В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-11

Образ России в сознании молодежи постсоветских стран: опыт социологической оценки

Максим Владимирович ВИЛИСОВ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник,
Центр междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: mvilisov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6634-3829

Екатерина Викторовна БАТОВРИНА

кандидат социологических наук, доцент, кафедра управления персоналом,
факультет государственного управления
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119191,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация
E-mail: BatovrinaEV@spa.msu.ru
ORCID: 0000-0001-8415-9104

Ольга Владимировна МИХАЙЛОВА

доктор политических наук, доцент, профессор, кафедра политического анализа,
факультет государственного управления
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119191,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация
E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru
ORCID: 0000-0002-7394-8332

ЦИТИРОВАНИЕ: Вилисов М.В., Батоврина Е.В., Михайлова О.В. (2021). Образ России в сознании молодежи постсоветских стран: опыт социологической оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 212–230. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-11

Статья поступила в редакцию 02.08.2021.

АННОТАЦИЯ. Десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, обозначили серьезные вызовы для России, от ответа на которые зависит перспектива сохранения ею лидерских позиций в интеграционных процессах на

современном постсоветском пространстве не только за счет объективных преимуществ в обладании ресурсами, но и за счет ее привлекательности для молодого поколения постсоветских стран. В статье предпринята попытка

ка социологической оценки восприятия молодежью постсоветских стран современных российских гуманитарных проектов, ее готовности включаться в предлагаемые Россией международные образовательные проекты и строить траекторию профессионального развития с учетом возможностей, имеющих в России. Авторы обращают внимание на необходимость проведения регулярного мониторинга восприятия России молодежью постсоветских стран с целью адаптации предлагаемых программ международного сотрудничества под потребности целевой аудитории, а также предлагают методику его построения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: восприятие России, постсоветское пространство, международное гуманитарное сотрудничество, молодежная политика, «мягкая сила».

Введение

В 2020–2021 гг. активизировались конфликтные политические процессы на территории бывшего СССР: протесты в Белоруссии, очередная революция в Киргизии, военное обострение в рамках нагорно-карабахского конфликта, эскалация ситуации на Востоке Украины. Многие из них потребовали прямого или косвенного вовлечения России, в том числе в попытках сделать Россию стороной конфликта или ответственной за происходящее. Подобные политические события не могут не влиять на общественные настроения в странах бывшего СССР, создавать долгосрочные политические последствия, например, в части формирования образа нашей страны и потенциала «мягкой

силы». В статье представлены результаты социологического исследования отношения к России молодежи постсоветских стран, проведенного в конце 2020 г. Выводы этого исследования, рассмотренные в контексте инструментов «мягкой силы», используемых в российской политике, как представляется, имеют важное значение для внесения дополнений и уточнений как в отдельные программы сотрудничества, так и в адаптацию стратегии к современным вызовам и потребностям целевой аудитории.

Статья состоит из нескольких частей. В первой части дается обзор актуальных для России внешнеполитических вызовов, влияющих на ее позиционирование в постсоветском пространстве. Во второй части представлены результаты социологического исследования отношения молодежи постсоветских государств к России. В заключении сформулированы выводы и рекомендации по организации регулярного социологического мониторинга динамики настроений молодежи постсоветских стран.

Современные вызовы для России на постсоветском пространстве

В обновленной Стратегии национальной безопасности¹ (утверждена Указом Президента Российской Федерации 02.07.2021 года) при характеристике России в современном мире указывается на то, что «действия некоторых стран направлены на инспирирование в Содружестве Независимых Государств (СНГ) дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзника-

1 Утверждена Указом Президента Российской Федерации 02.07.2021 года № 400 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>, дата обращения 15.09.2021.

ми»². Кроме того, отмечается, что проводятся «информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России... ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов... российские граждане и соотечественники, проживающие за рубежом, подвергаются дискриминации и открытому преследованию»³.

Описанные процессы характерны для постсоветских стран, не являвшихся на момент распада СССР «настоящими государствами» (*genuine states*), а, скорее, «национализирующимися государствами», получившими «организационную оболочку» для наполнения ее собственным национальным контентом, который должен был собрать воедино население, территорию, культуру и политику [Brubaker, 2011, p. 1786]. Как отмечает Р. Брубейкер, признаки «национализирующихся государств» характерны для всех постсоветских стран, отличаются только стратегии: там, где основная нация имеет четкие этнические, языковые и прочие границы, стратегия заключается в ее укреплении, в том числе в политическом плане (автор приводит Казахстан в качестве примера). Там, где границы не столь отчетливы, основная задача заключается в изменении культурных практик, идентичности, переутверждении и расширении основной нации (примером для автора здесь служит Украина) [Brubaker, 2011].

Практически во всех случаях «основная» нация вступала в политические взаимодействия с русскими, которые становились объектами соответствующей политики национал-строительства и испытывали те самые ограничения, которые описаны в Стратегии национальной безопасности.

Эти процессы не завершены и в настоящее время. На Украине и сейчас продолжают весьма радикальные действия по ограничению использования русского языка⁴ и отказу в статусе русскому народу как коренному⁵. Такое развитие событий даже привело к публичной полемике между президентами России и Украины: высказывание российского Президента о том, что «русские и украинцы – один народ», и публикация статьи на эту тему [Путин, 2021] вызвали реакции президента Украины⁶, что окончательно перенесло спор в сферу исторической политики. Налицо попытки «установления границ» между двумя народами, формирование новой идентичности, в том числе с позиции исторической политики.

Аналогичные процессы, только в меньших масштабах, отмечаются и в Белоруссии, где на протяжении последних лет активно проводится официальная политика по «белорусизации», которая выражается в вытеснении русского языка из официального оборота (дорожные указатели, вывески на государственных учреждениях, объявления в транспорте)⁷ и актуализации

2 Пункт 17 Стратегии национальной безопасности.

3 Пункт 19 Стратегии национальной безопасности.

4 Украина запретила использовать русский язык в сфере обслуживания (2021) // РИА Новости. 16 января 2021 // <https://ria.ru/20210116/ukraina-1593313629.html>, дата обращения 15.09.2021.

5 Васильев А. (2021). Зеленский подписал закон о коренных народах Украины // Российская газета. 21 июля 2021 // <https://rg.ru/2021/07/21/zelenskij-podpisal-zakon-o-korennyh-narodah-ukrainy.html>, дата обращения 15.09.2021.

6 Зеленский опубликовал обещанный ответ Путину о единстве русских и украинцев (2021) // Lenta.ru. 28 июля 2021 // https://lenta.ru/news/2021/07/28/ze_revange/, дата обращения 15.09.2021.

7 Шимов В. (2021). Что такое «мягкая белорусизация» и почему русский язык побеждает // Фонд стратегической культуры. 7 июля 2021 // <https://www.fondsk.ru/news/2021/07/07/cto-takoe-mjagkaja-belorusizacija-i-pocemu-russkij-jazyk-pobezhdaet-53950.html>, дата обращения 15.09.2021.

национального дискурса в школьных учебниках истории [Гронский, 2020].

В Казахстане, который, согласно Р. Брубейкеру, изначально придерживался другой стратегии – укрепления (прежде всего – политического) основной («титальной») нации⁸, в том числе через активную историческую и символическую политику, официальные СМИ и кинематограф [Isaacs, 2015], в последние годы также активизировалась политика по «дерусификации», сопровождающаяся изменениями топонимики в северной (населенной преимущественно этническими русскими) части населения⁹.

Таким образом, ограничения использования русского языка отмечают даже в странах – традиционных союзниках России, что, однако, не влияет напрямую на официальные союзнические отношения с Белоруссией и Казахстаном и не вызывает значимых политических протестов среди населения этих стран.

Влияет ли это на отношение граждан этих стран к России или к стране своего пребывания/гражданства? Может ли повлиять на будущие отношения между нашими странами? Ответы не столь просты.

Как показывают исследования, использование языка далеко не всегда является маркером национальной идентичности. Например, на Украине люди, чей родной язык был и остается русским, трансформировались в украинцев, а не в русских, несмотря на сохранение своей языковой принадлежности, и поддерживают высокий уровень лояльности украинскому государству даже в условиях конфликтного политического противостояния с Россией [Kulyk, 2017]. Эти люди уже в большин-

стве своем не ощущают себя российскими соотечественниками. В Казахстане повсеместное использование русского языка этническими казахами также не приводит к изменению ими своей национальной принадлежности.

В то же время проведенный недавно социологический опрос среди граждан Украины показал достаточно высокий процент людей, которые согласны с утверждением Президента России о единстве русского и украинского народов: 41% в целом по стране, 65% – на Востоке Украины, 22% – на Западе, при этом по возрастным группам в целом по стране самую большую поддержку это утверждение нашло среди молодежи от 18 до 24 лет – 44% [Социально-политический настрой населения, 2021, с. 20–21].

Такие процессы самоидентификации, включая политическую, не связаны с историей, они происходят сейчас и являются реакцией на актуальные социальноэкономические и политические процессы, в том числе процессы, связанные с формированием идентичности. Если дело обстоит именно так, то апелляции к исторической судьбе и тесным родственным связям явно недостаточны для того, чтобы говорить о «единстве народов»: несмотря на общую историю и даже язык, вполне возможна ситуация, когда, например, носители русского языка будут считать себя украинцами как с точки зрения этнической, так и политической идентификации. Тем более что сама Россия посылает русскоязычным гражданам постсоветских государств очень невнятные сигналы.

Еще в 1990-е годы процессы национализма в самой России отличались неровностью и «метаниями» меж-

8 Можно сказать, что эта задача была успешно решена.

9 Салов Д. (2021). Казахстан усиливает дерусификацию северных регионов // Anna-news.info. 20 июля 2021 // <https://anna-news.info/kazakhstan-usilivaet-derusifikatsiyu-severnyh-regionov/>, дата обращения 15.09.2021.

ду необходимостью построения чисто «гражданской нации» (в ее самом утопичном варианте), русским национализмом и «славянским единством» [Tolz, 1998]. Разрываемая внутренними противоречиями, вынужденная реагировать на актуальные вызовы социально-экономического контекста и пользующаяся низким доверием со стороны населения молодая политическая элита использовала дискурс нациестроительства весьма ситуативно, апеллируя то к внутренним, то к внешним целевым аудиториям для решения сиюминутных задач и не сформировав ни единого понимания, ни философии, ни стратегии нациестроительства, стараясь при этом тщательно обходить наиболее острые и дискуссионные моменты [Tolz, 1998]. Незавершенность этого процесса отражают прошлогодние дебаты относительно использования термина «русский народ» при разработке поправок к Конституции Российской Федерации¹⁰. Наличие такой внутренней неопределенности относительно «русских» и «русского народа» внутри самой России вряд ли способствует формированию национальной идентичности русских в других странах бывшего СССР, в том числе эффективной реализации концепции «русского мира», которая достаточно долго сохранялась в качестве основы российской политики «мягкой силы» [Mkhoyan, 2016].

В начале 2000-х годов был сформирован достаточно успешный подход к наращиванию российской «мягкой силы» [Tsygankov, 2006], который в 2010-х годах получил свое развитие и политическое закрепление в российских стратегических документах (см. подробный анализ документов [Агеева, 2016, с. 98–115]), существенно обогатился по используемому инструментарию – с ак-

центами на экономическое сотрудничество, активную работу российских СМИ за рубежом, системную деятельность Россотрудничества, реализацию проектов гуманитарного сотрудничества, в том числе в области культуры и образования [Агеева, 2016]. Получили свое развитие практики общественной дипломатии на региональном и межрегиональном уровнях [Сапрыка, Вавилов, Пастюк, 2017]. Однако, по мнению многих западных и российских экспертов, нынешний потенциал российской «мягкой силы» стремительно сокращается [Петрович-Белкин, Еремин, Бокепия, 2019; Rotaru, 2017; Rutland, Kazantsev, 2016; Агеева, 2016, с. 217–219]. Он уступает место традиционному (прежде всего – для Запада) восприятию России как носителя «жесткой» силы. Происходит это, по мнению экспертов, в том числе из-за попыток конвертации «мягкой силы» в «гибридные войны» для защиты собственных национальных интересов, что наносит ущерб международному престижу страны [Rutland, Kazantsev, 2016, pp. 408–409], подрывает доверие к проводимым гуманитарным программам, а также служит предлогом для ограничения действия российских СМИ за рубежом. Это в свою очередь ведет к сокращению интереса к России и формированию негативного образа страны, в том числе в постсоветских странах, население которых начинает воспринимать Россию через призму актуальных политических реалий, а не исторической и культурной близости. В случае с постсоветскими странами формирование такого образа априори играет на руку национальным политическим элитам, стремящимся завершить процесс «национализации» государств, который связан среди прочего с отмежеванием

10 Дюрягина К., Антонов А. (2020). Русские и другие // Коммерсантъ. 21 февраля 2020 // <https://www.kommersant.ru/doc/4261608>, дата обращения 15.09.2021.

от России, и является логическим продолжением советской практики «коренизации» и процесса распада Советского Союза – то есть может быть признан тем самым «дезинтеграционным процессом», о котором упоминается в Стратегии национальной безопасности.

Таким образом, возникает целый комплекс проблем и вопросов, требующих теоретического и практического осмысления, чтобы сформировать ответы на вызовы, обозначенные в стратегических документах. В связи с этим изучение социологическими методами актуального «состояния умов» и отношения к России, в том числе среди молодежи стран СНГ, представляет собой важную теоретическую и практическую задачу.

Социологическая оценка отношения молодежи постсоветских государств к России

Современное постсоветское пространство продолжает находиться в фокусе внешнеполитического внимания России, функционируют институты межгосударственного сотрудничества, совместно решаются отдельные вопросы социально-экономического развития, политические лидеры демонстрируют открытость к совместной реализации глобальных проектов. Российские власти, стремясь сохранить лидирующие позиции в регионе, делают ставку на поддержание добрососедских отношений не только по экономической линии, но и развивая программы международного гуманитарного сотрудничества, ориентированные на молодое поколение. Вместе с тем молодежь на постсоветском пространстве живет в принципиально другой политической и экономической реаль-

ности, ей незнакомы институциональные, идеологические, культурные и образовательные особенности бывшего СССР, она вписана в глобальное пространство, где по многим актуальным для нее вопросам доминирующие позиции занимают страны вне этого региона, что ставит вопрос о готовности принятия ею российских гуманитарных проектов. Для ответа на него представляется важным исследовать образ России, сформировавшийся в сознании молодого поколения постсоветских стран, выявить его приоритеты в построении траектории своего профессионального будущего вне национального пространства.

В академической среде тема отношения молодежи постсоветских стран к России, перспективам дальнейшей интеграции стран, развития международного сотрудничества в различных сферах необоснованно редко становится объектом эмпирического изучения, что связано с рядом объективных сложностей по проведению комплексного сравнения. Авторы последних по времени проведения немногочисленных социологических исследований ставят вопросы о приоритетах и направлениях молодежной политики в постсоветских странах на фоне изменения структуры ценностных ориентаций у молодого поколения [Цюник, 2017]; о вовлеченности молодежи отдельных стран в потоки трудовой и образовательной миграции [Карабчук, Поплавская, 2019]; о восприятии России молодежью различных постсоветских стран и регионов [Космарская, 2020; Ярмук, Канах, Архипенко, 2018].

Двигаясь в том же исследовательском направлении, но расширяя его географические границы, авторы данной статьи в целях уточнения образа России, сложившегося в сознании молодежи постсоветских стран, определения факторов и каналов его формирования,

провели в ноябре-декабре 2020 г. социологическое исследование с использованием методов глубинного интервью и формализованного электронного анкетирования.

Глубинное интервью выполняло вспомогательную функцию и решало задачу подготовки к разработке анкеты и проведению формализованного электронного анкетирования. Основное внимание было уделено определению общей эмоциональной направленности восприятия молодежью постсоветских стран России (позитивное/негативное) и составлению списка индикаторов, отражающих особенности отношения к России в молодежной среде на постсоветском пространстве, которые в дальнейшем были использованы при разработке анкеты. Глубинное интервью проводилось индивидуально в формате видеоконференции в *Zoom*. В нем приняли участие пять студентов российских вузов – выходцы из стран ближнего зарубежья (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан), возраст респондентов – 19–22 года. Продолжительность интервью с каждым респондентом в среднем составила 60 минут.

Анализ ответов респондентов показал, что у них преобладает позитивное отношение к России. Во многом оно связано с многолетним изучением русского языка и обучением в русскоязычной школе (*«Я училась в русской школе на русском языке и проходила школьную российскую программу»*). Еще один значимый фактор – смешанные семьи, выходцами из которых являются некоторые респонденты (мама или папа – русские). Третий фактор – личный позитивный опыт респондентов, связанный с Россией (обучение в школе с детьми из русских семей, дружба с ними, сотрудничество России со странами респондентов, позволяющее им, в частности, получать бесплатное российское образование по квоте для иностранных

студентов). Участники интервью продемонстрировали заинтересованность в дальнейшем участии в иницилируемых Россией программах гуманитарного сотрудничества, прежде всего в сфере образования и молодежного обмена, с перспективой дальнейшего трудоустройства в России.

Кроме того, участники интервью полагают, что Россия, как страна, может гордиться своей территорией, *«поставленной внешней политикой»*, *«традициями, сплоченностью»*, *«историей, богатой культурой и многонациональностью»*. Например, один из респондентов выразил уверенность, что *«Россия – это калейдоскоп разных народностей, мирно живущих и сосуществующих»*. Они полагают, что в России *«больше возможностей для саморазвития, для обучения и работы»*, чем в странах респондентов.

По итогам проведенных глубинных интервью был составлен список индикаторов, отражающих особенности отношения к России в молодежной среде на постсоветском пространстве. Среди них: интерес к приобретению конкретного опыта, связанного с Россией, интерес к культуре России, интерес к традициям России, готовность к участию в совместных культурных программах, связанных с Россией (фестивали, творческие конкурсы, туризм по культурным центрам России и др.), интерес к участию в совместных образовательных проектах, связанных с Россией, интерес к получению высшего образования в России, интерес к участию в совместных спортивных мероприятиях в России (соревнования, марафоны, конкурсы и др.), оценка респондентами возможностей и направлений развития сотрудничества между их странами и Россией. На основе этих индикаторов были подготовлены вопросы открытого, закрытого и полужакрытого типа для электронной анкеты.

Если глубинное интервью проводилось в основном для получения первичного среза данных о восприятии России молодежью постсоветских стран и формирования первичного представления о доминирующем в молодежной среде отношении к России, то целью формализованного электронного анкетирования стало воссоздание развернутого образа России, сложившегося у молодежи на постсоветском пространстве. В состав выборки вошли 414 респондентов – молодые люди из стран ближнего зарубежья, выходцы из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Монголии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Средний возраст участников анкетирования составил 22,5 года. По критерию «пол» выборка является достаточно сбалансированной: количество респондентов мужского пола на 15% превышает количество респондентов женского пола (57,04 и 42,96%, соответственно). Привлечение респондентов осуществлялось путем адресной рассылки информации об исследовании его потенциальным участникам, ее размещения в социальных сетях, а также методом снежного кома. Анкетирование проводилось на базе специализированной платформы для сбора социологических данных *SurveyMonkey*¹¹. Типичное затраченное время на заполнение анкеты составило 13 минут. Полученные данные прошли предобработку в системе *SurveyMonkey*, что способствовало исчислению частот по процентам, выявлению основных направленностей в ответах респондентов на поставленные вопросы.

Как показало проведенное анкетирование, *восприятие респондентами России неоднозначно*: 39,46% участников анкетирования упомянули «хоро-

шее» и «скорее хорошее» отношение к России, в ответах 56,12% респондентов фигурируют ссылки на «плохое» и «скорее плохое» отношение. Перевес в пользу участников анкетирования, отметивших негативное отношение к России, связано с преобладанием в выборке респондентов из Белоруссии (47,6%). Дополнительный анализ их мнений показал, что данной позиции придерживаются 73,39% респондентов-белорусов. Среди участников анкетирования из других стран доминирует позитивное отношение к России. Наиболее высокий процент респондентов, заявивших о хорошем отношении молодежи их страны к России, пришелся на Азербайджан, Таджикистан и Узбекистан (в среднем около 80%).

О неоднозначности восприятия России участниками анкетирования свидетельствуют ассоциативные ряды, вызываемые у них ее упоминанием. С одной стороны, образ России формируют положительные ассоциации («красивая природа», «богатая культура» и др.). С другой стороны, в ответах респондентов присутствует немало отрицательных ассоциаций: «коррупция», «диктатура», «имперские замашки», «агрессия» и др. Наиболее ярко они представлены в анкетах респондентов из Белоруссии.

Образ России у многих респондентов формируется под влиянием личного опыта. Подавляющее большинство участников (86,49%) анкетирования были в России, следовательно, могут судить о ней исходя из собственных впечатлений. Респондентам, побывавшим в России, больше всего понравились архитектура (38 упоминаний), люди (31 упоминание), природа (27 упоминаний) и Москва (25 упоминаний). Из неприятных впечатлений – грязь

11 www.surveymonkey.com

(31 упоминание), бедность (15 упоминаний), люди (15 упоминаний), коррупция и разруха (по 14 упоминаний), нищета (13 упоминаний). В целом, по мнению 90,2% респондентов, России, как стране, есть чем гордиться. Поводов для гордости много – это история (34 упоминания), культура (33 упоминания), люди (27 упоминаний), природа (17 упоминаний), ресурсы (12 упоминаний), территория (12 упоминаний), наука (8 упоминаний) и образование (7 упоминаний). Вместе с тем некоторые респонденты отмечают, что современная Россия может гордиться только прошлым и «достижениями предков», сейчас «идет одно разрушение», «все, что удалось сделать, было во времена СССР».

Существенное значение для формирования образа России в молодежной среде на постсоветском пространстве имеет знание молодыми людьми русского языка, позволяющее им получать информацию о России, знакомиться с русской литературой, публикациями, новостями самостоятельно, без языковых посредников.

Почти все участники анкетирования (99,66%) знают русский язык. Знакомство с русским языком многих респондентов произошло в семье (63,05% участников анкетирования отметили, что их родители знают русский язык), большинство респондентов (76,95%) учили русский язык в школе. Популярность русского языка в молодежной среде постсоветских стран объясняется его статусом государственного языка (например, в Белоруссии), большим количеством русскоязычного населения в стране, а также многонациональных (смешанных) семей. Вместе с тем, рассматривая гипотетическую ситуацию изучения русского языка «с нуля», только 42,52% респондентов отметили свою готовность учить его как иностранный. Большинство участников анкетирова-

ния (53,4%) заявили о противоположной позиции. Полученный результат – следствие преобладания в выборке белорусов. Так, только 24,51% участников анкетирования из Белоруссии подтвердили свою готовность учить русский язык (при условии, что в данный момент они его не знают), у 70,1% – противоположное мнение. Ссылки на нежелание учить русский язык как иностранный присутствуют в ответах респондентов из Азербайджана, Армении, Казахстана и Киргизии. Участники анкетирования из остальных стран выразили готовность учить русский язык как иностранный «с нуля».

Одним из показателей восприятия респондентами России является их готовность получить в ней высшее образование. В целом большинство респондентов (69,7%) хотело бы получить образование за рубежом. При этом только 27,41% участников анкетирования готовы с высокой долей вероятности выбрать программу обучения в России. Сравнительный анализ ответов респондентов по странам показал, что наибольший интерес к возможностям обучения в России проявили респонденты из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Монголии, наименьший – участники анкетирования из Армении, Казахстана и Белоруссии. Так, 56,06% респондентов из Белоруссии указали на крайне низкий уровень вероятности (1 балл из 5) выбора ими программы обучения в России.

Для респондентов, заинтересованных в получении образования в России, наиболее привлекательными являются образовательные программы следующих профилей: информационные технологии, технические науки, гуманитарные науки. Наименьшим интересом пользуются программы по медицине, естественным наукам и социальным наукам. Отдельных участников анкетирования интересует получение об-

разования в России по таким направлениям, как авиация, конструирование и моделирование одежды, живопись, скульптура и кинематография.

Еще один значимый показатель восприятия респондентами России – их желание приобрести опыт работы в нашей стране. Большинство респондентов (61,17%) не заинтересовано в приобретении опыта работы в России. Сравнительный анализ ответов участников анкетирования на этот вопрос по странам показал, что отсутствие интереса к приобретению опыта работы в России характерно, прежде всего, для белорусов (упомянули 79,31% респондентов). Однако некоторые респонденты из Казахстана (33,33%), Армении (33,33%) и Киргизии (20,0%) также не стремятся к получению опыта работы в России.

Формирование образа России в молодежной среде постсоветских стран происходит в контексте развития ее отношений с государствами постсоветского пространства. Мнения респондентов об отношениях их стран с Россией разделились: 44,02% участников анкетирования считают их скорее позитивными, дружескими, 47,1% респондентов склонны оценивать их как негативные, враждебные. Негативные оценки присутствуют в ответах респондентов из пяти стран – Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии и Молдовы. Несмотря на расхождения в оценках, многие участники анкетирования полагают, что существует немалый резерв для развития сотрудничества с Россией. Приоритетными направлениями сотрудничества, по их мнению, являются торговля, туризм и культура. Многие респонденты с удовольствием приняли бы участие в совместных культурных мероприятиях и туристических программах, организованных их странами и Россией. Исключение составляют 13,73% участников

анкетирования (преимущественно из Белоруссии), подчеркнувших, что у них «нет желания принимать участие в каких-либо программах, организованных при участии России», «с недружелюбной Россией нет намерения дружить».

Интересно, что подавляющее большинство респондентов (73,81%) не имеет информации о программах «молодежных обменов» между их странами и Россией, хотя явный интерес к такого рода программам присутствует. Наиболее востребованными направлениями программ «молодежных обменов», по мнению участников анкетирования, могли бы стать образование (30 упоминаний) и культура (22 упоминания). Многие респонденты затруднились с ответом на данный вопрос из-за отсутствия информации («ничего не слышно о таких программах»), а также восприятия и оценки ситуации в стране. Так, некоторые респонденты из Белоруссии заявили, что «при текущей ситуации молодежь Беларуси не захочет учиться в России, а будет всеми силами стремиться в Европу, так как Россия ассоциируется с оккупацией», программы обмена не будут востребованы – «особенно сейчас, когда РФ закрывает глаза на происходящее в Белоруссии», «молодежь скорее поедет в Польшу, Литву или Чехию, чем в Россию».

На формирование образа России в глазах молодежи постсоветских стран «работает» наличие у них кумиров-россиян. В их числе действующий Президент РФ В.В. Путин (19 упоминаний), российские оппозиционные политические и общественные деятели – А. Навальный (62 упоминания), М. Кац (22 упоминания), независимые журналисты, блогеры – Ю. Дудь (36 упоминаний), музыканты – Моргенштерн (восемь упоминаний), успешные предприниматели – П. Дуров (шесть упоминаний). Интересно, что в ответах только четырех респондентов присут-

ствуют упоминания русских писателей – А.С. Пушкина, А.П. Чехова и А.И. Солженицына, двух респондентов – космонавта Ю.А. Гагарина, одного респондента – ученого Ж.И. Алферова.

В сознании многих респондентов сложились устойчивые представления о символах России. Многие из них стереотипны, но тем не менее ярко воссоздают особенности образа России, сложившегося у молодежи постсоветских стран. Самыми упоминаемыми символами стали В.В. Путин (27 упоминаний), водка (22 упоминания), Кремль (22 упоминания), медведь (18 упоминаний), коррупция (14 упоминаний), матрешка (14 упоминаний), Красная площадь (10 упоминаний) и Москва (10 упоминаний). К самым неожиданным символам России, названным респондентами, можно отнести КВН, танк, Яндекс, «хрущевку», Сколково, «новичок», Николая Дроздова, Сити, соки «Сады Придонья». В ответах участников анкетирования упоминаются также природа (тайга, Волга, Байкал, Белокуриха), писатели и художники, российские шахматисты и космонавты. У России есть и негативные символы. Помимо упомянутой выше коррупции это «беспредел власти», «разруха», «НКВД», «алкоголизм», «диктатура» и «воровство».

Немалое значение для формирования образа России в молодежной среде на территории постсоветского пространства имеют каналы получения молодыми людьми информации о ситуации в России. Как показало проведенное исследование, подавляющее большинство респондентов (81,69%) следит за событиями в России. Основными каналами получения информации являются интернет-издания (74,06%), социальные сети (69,28%) и блогеры (61,77%) – именно они во многом влияют на формирование восприятия России, определяют отношение респон-

дентов к происходящим в ней событиям. Популярность телевидения как канала получения информации о событиях в России невысокая – его используют только 22,87% респондентов. При этом российские телевизионные каналы также не пользуются особой популярностью – ее констатируют только 33,44% участников анкетирования.

Группировка выборочной совокупности по полу, возрасту, образованию и направлениям подготовки респондентов позволила выделить дополнительные направленности в полученных результатах анкетирования.

Выраженной тенденцией оказалось преобладание позитивных отзывов о России в ответах респондентов женского пола. Они готовы учить русский язык как иностранный, имеют большую склонность к приобретению опыта работы в России, чем респонденты-мужчины, заинтересованы в участии в культурных мероприятиях, организованных их странами и Россией.

Возраст респондентов также сказывается на отношении к России: участниками анкетирования старшего возраста (23–24 года) чаще приводятся негативные оценки. Они менее склонны к выбору образовательных программ в России, чем участники анкетирования младшего возраста. Чем младше респонденты, тем более привлекательна для них перспектива приобретения опыта работы в России. Респонденты старшего возраста (23–24 года) не отличаются ярко выраженным интересом к его получению.

Интересно, что и образование влияет на восприятие респондентами России и отношения к ней. Участники анкетирования, завершившие обучение в вузе, склонны характеризовать отношение к России в молодежной среде на постсоветском пространстве как негативное. Респонденты, обучающиеся в вузе по программам бакалавриата и ма-

гистратуры, придерживаются противоположной позиции. Почти половину участников анкетирования, завершивших обучение в вузе, не интересуют российские образовательные программы. При этом интерес к получению еще одного образования за рубежом среди них крайне высок: его упомянули 68,8% респондентов из этой группы.

Любопытно, что направления подготовки респондентов в вузе также оказывают влияние на их отношение к России. Ее восприятие участниками анкетирования с техническим образованием чаще является негативным. Противоположная тенденция наблюдается в ответах респондентов, чьи направления подготовки в вузе относятся к гуманитарным и социальным. Их интересуют российские образовательные программы. Перспектива приобретения опыта работы в России им кажется более привлекательной, чем участникам анкетирования с техническим направлением подготовки.

Для уточнения причин возникновения упомянутых выше тенденций требуется проведение дополнительных исследований (в разработанной нами анкете соответствующие вопросы отсутствовали). Вместе с тем можно предположить, что преобладание позитивного отношения к России среди респондентов женского пола объясняется более частым просмотром ими российских телевизионных каналов в сравнении с респондентами-мужчинами. Еще одно возможное объяснение – интерес девушек к получению гуманитарного образования в России по направлениям подготовки, слабо представленным на их отечественных рынках образовательных услуг. Так, например, девушки упоминали следующие специальности, которые они хотели бы получить в России: «кинематография», «конструирование и моделирование одежды», «живопись», «скульптура».

Снижение уровня привлекательности России как потенциального места получения образования с увеличением возраста и повышением образовательного уровня респондентов может быть объяснено невысокой оценкой российских магистерских программ молодежью постсоветских стран. Судя по результатам анкетирования, получив степень бакалавра и решив продолжить обучение в магистратуре, респонденты склонны рассматривать более престижные и хорошо зарекомендовавшие себя магистерские программы в вузах дальнего зарубежья, чем предложения, поступающие от российских университетов, что естественным образом снижает их общий интерес к нашей стране. В ходе проведения углубленных интервью с двумя респондентами (женского пола из Казахстана и Узбекистана) было отмечено падение привлекательности России именно в процессе обучения в университете, в том числе под влиянием соответствующего отношения, доминирующего в молодежной и образовательной среде соответствующих российских вузов. Возможно, речь идет о частных случаях, хотя такая тенденция отмечалась и ранее среди граждан Украины, обучавшихся в России до кризиса во взаимных отношениях. В любом случае, имеющихся данных пока недостаточно для того, чтобы делать какие-то выводы, обе гипотезы требуют дополнительной проверки.

В целом, подводя итог анализа результатов глубинного интервью и формализованного электронного анкетирования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, отношение к России в молодежной среде на постсоветском пространстве, ее восприятие как возможного места получения образования и приобретения профессионального опыта во многом определяется страновой принадлежностью респондентов. Позитивный образ России сформиро-

вался у выходцев из Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Монголии. Противоположное восприятие сформировалось в молодежной среде Белоруссии, а также частично – Армении, Молдовы и Казахстана. Данная тенденция может быть объяснена социально-политической ситуацией, сложившейся в этих странах.

Во-вторых, несмотря на существующие различия в образе России, сформировавшемся у молодых представителей разных стран постсоветского пространства, большинство из них сходится во мнении о богатом культурном и историческом наследии России, высоком уровне развития российской науки, медицины, отдельных отраслей промышленности. У молодежи стран постсоветского пространства много кумиров-россиян: от общественных и политических деятелей до представителей культуры и искусства. Знание русского языка, постоянное обращение к русскоязычному контенту Интернета, просмотр российских телевизионных каналов, общение с выходцами из смешанных и русских семей сближает молодежь из стран постсоветского пространства с Россией, прямо или косвенно способствует формированию интереса к посещению России, туризму, получению российского образования.

В-третьих, молодежь стран постсоветского пространства (за исключением Белоруссии) в целом заинтересована в получении образования в России по разным направлениям, в участии в программах обмена, а также в культурных мероприятиях, туристических программах и других совместных инициативах их стран и России. Интерес к различным направлениям сотрудничества с Россией в некоторой степени определяется полом, возрастом, образованием и направлениями подготовки молодежи стран постсоветского

пространства. Вместе с тем приоритетными направлениями развития гуманитарного сотрудничества между Россией и странами постсоветского пространства могли бы стать образование и культура – именно они чаще других упоминались участниками проведенного исследования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов, которые условно можно объединить в две группы: выводы относительно российской политики «мягкой силы» на пространстве СНГ и выводы относительно дальнейших направлений социологических исследований по этой теме.

Содержание полученных результатов исследования отчасти подтверждает негативные оценки российской «мягкой силы». Несмотря на значительные успехи, достигнутые Россией в этом направлении по сравнению с периодом 1990-х годов в связи с переходом на «более прагматичную» и двустороннюю политику в отношении стран бывшего СССР и отказом от реинтеграции через институты СНГ [Tsyanikov, 2006], современная российская политика в этом направлении достигла определенных пределов и требует пересмотра, может быть, даже весьма радикального.

Наиболее тревожные симптомы – выявленный в ходе исследования достаточно высокий процент негативного отношения к России молодежи стран – членов ЕАЭС, особенно в Белоруссии. Конечно, здесь нужно делать поправку на актуальный контекст, однако сам факт того, что в наиболее тесно интегрированных с Россией в экономическом плане странах молодежь относится к нашей стране скорее негативно, должен настораживать.

Второй тревожный звонок – ухудшение отношения к России по мере роста образованности и получения высшего образования, снижение интереса к российским образовательным программам при наличии интереса учиться за рубежом. Это серьезный признак «голосования ногами», с причинами которого необходимо разбираться. Аналогичная ситуация наблюдалась в прошлом с Украиной, когда огромное число обучавшихся в России до 2014 года граждан Украины никак не конвертировалось в потенциал «мягкой силы» и пророссийской поддержки внутри соседней страны. Вытеснение русского языка как иностранного с постсоветского пространства даже среди его носителей также является серьезной проблемой. Следует обратить внимание и на преобладание среди молодежи каналов коммуникации, связанных с использованием сети Интернет.

Причины негативного отношения к России требуют отдельного исследования, в том числе в части эффективности российской политики «мягкой силы» и ее институтов, формирования «идейного» или «ценностного» посыла российской «мягкой силы» [Агеева, 2016, с. 226–229]. Возможно, необходимо подумать в целом о «реновации» российской внешней политики в отношении стран бывшего СССР. Целесообразно выделить ее в самостоятельное направление российской внешней политики («ближняя внешняя политика», по аналогии с «ближним зарубежьем»), разграничив с традиционной для российской дипломатии «дальней внешней политикой». Разграничение в данном случае относится не к географической близости, а к определению круга стран, в которых исторически сильно российское влияние и которые считаются зоной «эксклюзивных» российских интересов. На данный момент очевиден ресурсный дисбаланс обеспечения рос-

сийской политики по этим двум направлениям: недостаток научных школ, изучающих страны бывшего СССР (в надежде на то, что «их не нужно особо изучать, мы ведь и так их хорошо знаем»), недостаток языковой подготовки (в надежде на то, что «они все говорят по-русски»), недостаток образовательных программ, готовящих специалистов для работы по этим направлениям, недостаток политического внимания к этому региону на фоне приоритета «большой политической игры» со странами «дальнего зарубежья».

С точки зрения социологических исследований как инструмента изучения настроений молодежи постсоветского пространства есть также много задач для решения. Как показало проведенное исследование, ответы многих респондентов на поставленные вопросы ситуативны, конъюнктурны, зачастую определяются социально-политической ситуацией, сложившейся в их странах, их отношениями с Россией, в целом внешнеполитической обстановкой. Данные обстоятельства указывают на необходимость изучения образа России в молодежной среде на постсоветском пространстве в динамике, на регулярной основе, т.е. в рамках системы социологического мониторинга, а не разового социологического исследования.

Мониторинг представляет собой периодическую процедуру сбора, обработки и анализа информации об объекте исследования. Построение системы социологического мониторинга образа России в глазах молодежи постсоветских стран должно осуществляться поэтапно [Бондаренко, 2008, с. 24–27].

В рамках первого, *теоретико-методологического*, этапа необходимо уточнить методику сбора данных. Используемая в настоящем исследовании анкета зарекомендовала себя положительно и может быть применена и в

рамках социологического мониторинга. Однако сокращение количества открытых вопросов могло бы существенно упростить процедуру обработки данных, что особенно актуально в случае проведения мониторинга с выборкой большого объема. Кроме того, сокращение количества открытых вопросов в анкете могло бы способствовать минимизации высказываний, ссылок, комментариев респондентов, не имеющих прямого отношения к рассматриваемой теме (в том числе некорректных, эмоциональных комментариев оскорбительного, радикального характера).

Основной задачей второго, *организационно-процедурного*, этапа построения системы социологического мониторинга является определение требований к формированию выборки, а также периодичности проведения мониторинга. Для получения достоверных данных формирование выборки должно осуществляться с учетом объема генеральной совокупности – численности граждан каждого рассматриваемого постсоветского государства, относящихся к целевой возрастной группе, при доверительной вероятности – 95%. При этом выборка должна быть стратифицированная (по государствам постсоветского пространства, уровню образования и профессиональному опыту молодежи), случайная на этапе отбора респондентов. При определении периодичности проведения мониторинга необходимо учитывать, что полученные в его рамках данные должны помочь зафиксировать существенные изменения, произошедшие с объектом исследования. Учитывая существенную динамику социально-политических процессов в странах постсоветского пространства и, как следствие, изменения в восприятии России молодежью, можно предположить, что оптимальным интервалом проведения измерений явля-

ется один год. Принятие за основу данного интервала является также оправданным с точки зрения соотношения затрачиваемых на мониторинг ресурсов и своевременности получаемой информации. Более частое проведение мониторинговых исследований не сможет добавить что-либо существенное к полученной картине образа России, однако увеличит стоимость исследований в целом.

Построение и внедрение системы социологического мониторинга образа России в сознании молодежи постсоветских стран позволит адаптировать действующие программы международного гуманитарного сотрудничества, инициированные Россией, к потребностям представителей целевой группы, популяризировать образ России в молодежной среде на постсоветском пространстве, учитывая актуальные факторы и каналы формирования ее восприятия молодежью.

Список литературы

- Агеева В.Д. (2016). Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике России в контексте глобализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. СПб.
- Бондаренко В.Ф. (2008). Социологическое исследование: назначение, программа, организация. М.: Московский гуманитарный университет.
- Гронский А.Д. (2020). Проблема этничности и языка в белорусском школьном учебнике (на примере учебника по истории Белоруссии, изданного в 2017 году) // Мищенко В.В., Мищенко Т.А., Куркина С.П. (ред.). Россия и славянские народы в XIX–XXI веках. Сборник статей. Брянск. С. 44–50.
- Карабчук Т.С., Поплавская А.А. (2019). Анализ динамики отношений

молодежи стран постсоветского блока к интеграционным процессам между странами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные проблемы. № 1. С. 153–178. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.07

Космарская Н.П. (2020). Какой видит Россию молодежь постсоветских стран? Мнения студентов Казахстана // Россия и современный мир. № 1. С. 186–203. DOI: 10.31249/rsm/2020.01.10

Петрович-Белкин О.К., Еремин А.А., Бокерия С.А. (2019). Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 94–112 // https://elibrary.ru/download/elibrary_39141939_44776894.pdf, дата обращения 15.09.2021.

Путин В.В. (2021). Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России. 12 июля 2021 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>, дата обращения 15.09.2021.

Сапрыка В.А., Вавилов А.Н., Пастюк А.В. (2017). Общественная дипломатия приграничных регионов России в оценках жителей Белгородской, Воронежской и Курской областей // Международные процессы. Т. 15. № 2. С. 119–132. DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.8

Социально-политический настрой населения (2021) // Социологическая группа «Рейтинг». 23–25 июля 2021 // http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_ukraine_2500_072021_2_press.pdf, дата обращения 15.09.2021 (на украинском).

Цюник Д.А. (2017). Молодежь и молодежная политика в постсоветских государствах // Проблемы постсоветского пространства. Т. 4. № 1. С. 57–64. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-1-57-64

Ярмак О.В., Канах А.М., Архипенко В.Е. (2018). Образ России в сознании студенческой молодежи Крыма и

Севастополя: результаты социологического исследования // Дискурс. № 6. С. 71–79 // <https://discourse.etu.ru/assets/files/yarmak-o.v.-kanah-a.m.-arhipenko-v.e.pdf>, дата обращения 15.09.2021.

Brubaker R. (2011). Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in post-Soviet States // Ethnic and Racial Studies, vol. 34, no 11, pp. 1785–1814. DOI: 10.1080/01419870.2011.579137

Isaacs R. (2015). Nomads, Warriors and Bureaucrats: Nation-building and Film in post-Soviet Kazakhstan // Nationalities Papers, vol. 43, no 3, pp. 399–416. DOI: 10.1080/00905992.2013.870986

Kulyk V. (2017). Identity in Transformation: Russian-speakers in Post-Soviet Ukraine // Europe-Asia Studies, vol. 71, no 1, pp. 156–178. DOI: 10.1080/09668136.2017.1379054

Mkhoyan A. (2016). Soft Power, Russia and the Former Soviet States: A Case Study of Russian Language and Education in Armenia // International Journal of Cultural Policy, vol. 23, no 6, pp. 690–704. DOI: 10.1080/10286632.2016.1251426

Rotaru V. (2017). Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the “Near Abroad” // Problems of Post-Communism, vol. 65, no 1, pp. 37–48. DOI: 10.1080/10758216.2016.1276400

Rutland P., Kazantsev A. (2016). The Limits of Russia’s “Soft Power” // Journal of Political Power, vol. 9, no 3, pp. 395–413. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232287

Tolz V. (1998). Forging the Nation: National Identity and Nation Building in post-Communist Russia // Europe-Asia Studies, vol. 50, no 6, pp. 993–1022. DOI: 10.1080/09668139808412578

Tsygankov (2006). If not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin’s Foreign Policy // Europe-Asia Studies, vol. 58, no 7, pp. 1079–1099. DOI: 10.1080/09668130600926355

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-11

The Perception of Russia by Young People in Post-Soviet Countries: the Experience of Sociological Assessment

Maksim V. VILISOV

PhD in Politics, Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: mvilisov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6634-3829

Ekaterina V. BATOVIRINA

PhD in Sociology, Associate Professor, Human Resource Management Department,
School of Public Administration
Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,
Russian Federation
E-mail: BatovrinaEV@spa.msu.ru
ORCID: 0000-0001-8415-9104

Olga V. MIKHAYLOVA

DSc in Politics, Associate Professor, Professor, Policy Analysis Department, School
of Public Administration
Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,
Russian Federation
E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru
ORCID: 0000-0002-7394-8332

CITATION: Vilisov M.V., Batovrina E.V., Mikhaylova O.V. (2021). The Perception of Russia by Young People in Post-Soviet Countries: the Experience of Sociological Assessment. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 212–230 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-11

Received: 02.08.2021.

ABSTRACT. *The decades that have passed since the collapse of the USSR have identified serious challenges for Russia, the answer to which depends on the prospect of maintaining its leadership position in the integration processes in the modern post-Soviet space, not only due to objective advan-*

tages in the possession of resources, but also due to its attractiveness for the younger generation of the post-Soviet countries. The article makes an attempt of a sociological assessment of the perception of modern Russian humanitarian projects by young people in post-Soviet countries, their willingness to

join the international educational projects proposed by Russia and build a trajectory of professional development, taking into account the opportunities available in Russia. The authors draw attention to the need for regular monitoring of the perception of Russia by the youth of the post-Soviet countries in order to adapt the proposed programs of international cooperation to the needs of the target audience, and also offer a methodology for its construction.

KEYWORDS: perception of Russia, post-Soviet space, international humanitarian cooperation, youth policy, soft power.

References

- Ageeva V.D. (2016). *The Role of the "Soft Power" Instruments in Russia's Foreign Policy in the Context of Globalization*. Dissertation, Saint-Petersburg. Available at: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/872f45x1B0.pdf>, accessed 15.09.2021 (in Russian).
- Bondarenko V.F. (2008). *Sociological Research: Purpose, Program, Organization*, Moscow (in Russian).
- Brubaker R. (2011). Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 34, no 11, pp. 1785–1814. DOI: 10.1080/01419870.2011.579137
- Gronskiy A.D. (2020). The Problem of Ethnicity and Language in the Belarusian School History Textbook, Published in 2017. *Russia and Slavic Folks in the 19th – 21st Centuries*. Digest of Articles (eds. Mishchenko V.V., Mishchenko T.A., Kurkina S.P.), Bryansk, pp. 44–50 (in Russian).
- Isaacs R. (2015). Nomads, Warriors and Bureaucrats: Nation-building and Film in post-Soviet Kazakhstan. *Nationalities Papers*, vol. 43, no 3, pp. 399–416. DOI: 10.1080/00905992.2013.870986
- Karabchuk T.S., Poplavskaya A.A. (2019). Analyzing the Dynamics in the Attitudes of Youth in the post-Soviet Countries towards CIS Intergration Processes. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 153–178 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.07
- Kosmarskaya N.P. (2020). How Russia Is Perceived by the Youth of Post-Soviet Countries? The Attitudes of Kazakhstani Students. *Russia and the Contemporary World*, no 1, pp. 186–203 (in Russian). DOI: 10.31249/rsm/2020.01.10
- Kulyk V. (2017). Identity in Transformation: Russian-speakers in Post-Soviet Ukraine. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 1, pp. 156–178. DOI: 10.1080/09668136.2017.1379054
- Mkhoyan A. (2016). Soft Power, Russia and the Former Soviet States: A Case Study of Russian Language and Education in Armenia. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 23, no 6, pp. 690–704. DOI: 10.1080/10286632.2016.1251426
- Petrovich-Belkin O., Yeryomin A., Bokeriya S. (2019). The Problem of Russia's Declining Influence in the Former Soviet Union: Why Are the CIS Countries Drifting toward Multilateralism? *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1, pp. 94–112. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_39141939_44776894.pdf, accessed 15.09.2021 (in Russian).
- Putin V.V. (2021). On the Historical Unity of Russians and Ukrainians. *President of Russia*, July 12, 2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>, accessed 15.09.2021 (in Russian).
- Rotaru V. (2017). Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the "Near Abroad". *Problems of Post-Communism*, vol. 65, no 1, pp. 37–48. DOI: 10.1080/10758216.2016.1276400
- Rutland P., Kazantsev A. (2016). The Limits of Russia's "Soft Power". *Journal of*

Political Power, vol. 9, no 3, pp. 395–413. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232287

Sapryka V.A., Vavilov A.N., Pastyuk A.V. (2017). Public Diplomacy in Russian Border Regions: Local Assessments in Three Regions. *International Trends*, vol. 15, no 2, pp. 119–132 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.8

Socio-Political Mood of the Population (2021). *Sociological Group "Rating"*, July 23–25, 2021. Available at: http://rating-group.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_ukraine_2500_072021_2_press.pdf, accessed 15.09.2021 (in Ukrainian).

Tolz V. (1998). Forging the Nation: National Identity and Nation Building in post-Communist Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 50, no 6, pp. 993–1022. DOI: 10.1080/09668139808412578

Tsygankov (2006). If not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy. *Europe-Asia Studies*, vol. 58, no 7, pp. 1079–1099. DOI: 10.1080/09668130600926355

Tsyunik D.A. (2017). Youth and Youth Policy in the Post-Soviet States. *Post-Soviet Issues*, vol. 4, no 1, pp. 57–64 (in Russian). DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-1-57-64

Yarmak O.V., Kanakh A.M. Arkhipenko V.E. (2018). The Image of Russia in the Minds of the Student Youth of the Crimea and Sevastopol: the Results of a Sociological Survey. *Discourse*, no 6, pp. 71–79. Available at: <https://discourse.etu.ru/assets/files/yarmak-o.v.-kanakh-a.m.-arkhipenko-v.e.pdf>, accessed 15.09.2021 (in Russian).